

Ли Чжань, услышав это, на мгновение замер. В его глазах промелькнуло недоумение, но следом он произнес:

— Я велел приготовить для тебя порцию отвара против яда.

— Но меня-то не кусали... — Цзи Цинчжоу не успел договорить, заметив, что Ли Чжань не сводит с него пристального взгляда. Он осекся, взял чашу и залпом выпил горькое лекарство.

Ли Чжань дождался, пока он закончит, и только тогда добавил:

— В следующий раз, если случится подобное, не геройствуй. Хорошо, что яд у той змеи был слабым, иначе ты бы не только меня не спас, но и сам бы отравился.

— Я видел, что твоя рана не почернела, значит, яд не смертельный, — юноша усмехнулся.

— Раз знал, что всё в порядке, зачем же ты тогда... — Ли Чжань запнулся, внезапно осознав, что фраза звучит двусмысленно. Его лицо вмиг стало неестественным.

Цзи Цинчжоу вовсе не собирался хвастаться своим поступком — в конце концов, змея вылетела из его рук случайно. Но его объяснение лишь запутало ситуацию: если он знал, что опасности нет, зачем полез высасывать яд? Не ради ли того, чтобы воспользоваться моментом? Сам юноша об этом даже не задумался и тут же забыл сказанное, а вот Ли Чжань, прокрутив слова в голове, поспешил оборвать ход собственных мыслей.

— Когда вернемся во дворец... — начал Ли Чжань с явной нерешительностью.

Цзи Цинчжоу непонимающе переспросил:

— Что будет, когда вернемся?

— Не спеши, поговорим, когда прибудем на место, — отрезал Регент.

Цзи Цинчжоу не стал допытываться, лишь смутно почувствовал, что Регент сегодня ведет себя странно. Может, яд не до конца вывели, и остались побочные эффекты? Иначе с чего бы ему прятать глаза и запинаться?

Обед выдался необычайно оживленным — все собрались в переднем зале.

Маленький император, видимо, не выспался, поэтому весь прием пищи сидел рядом с Цзи Цинчжоу, притихший и вялый.

Зато Цинь Чжэн был в ударе. Размахивая руками, он вопил:

— Ну и попал же сегодня Князь в неприятности! Мало того, что змея угодила прямо в него, так

он еще и позволил себя цапнуть... я не про то, как ты «цапал», а про змею... ха-ха-ха!

Цзи Цинчжоу лишь приподнял бровь и, уткнувшись в тарелку, принялся выбирать косточки из рыбы для маленького императора, игнорируя треп Цинь Чжэна.

Однако тот не унимался:

— Я ведь не ради красного словца говорю, он на охоте всегда первый. Если не верите — спросите, из всех детей военачальников столицы едва ли кто-то смог его одолеть.

— Хе-хе, — сухо отозвался Цзи Цинчжоу. Он не понимал, зачем Цинь Чжэн так яростно расхваливает Регента.

Да и вообще, кто, как не он, знает, чего стоит Регент? Жестокий, беспощадный, убивающий без дрожи в руках — в этом столице точно никто не мог с ним сравниться.

Цзи Цинчжоу до сих пор отчетливо помнил описание казни, которой Регент предал его героя в оригинальной книге, — сцена была прописана до жути живо и детально. При одном лишь воспоминании об этом по спине бежали мурашки, и именно поэтому, впервые попав во дворец, он изо всех сил старался держаться от Регента подальше.

— Не веришь? — Цинь Чжэн обернулся к Ли Чжаню. — Он не верит. Расскажи, что с тобой сегодня было? С самого прихода в лес... нет, с самого утра ты какой-то рассеянный. Иначе как бы ты так легко попался в ловушку?

Ли Чжаня порядком утомил этот разговор, но взгляд его постоянно соскальзывал на маленького императора. Тот как раз доедал рыбу, очищенную Цзи Цинчжоу. Кисло-сладкую рыбу, которую Цинь Чжэн и император приговорили почти до костей.

— Ешь больше мяса, — Ли Чжань положил императору кусочек из другого блюда.

Маленький император прожевал и, глядя на Цзи Цинчжоу, сказал:

— Вкусно, попробуй и ты.

— Ц-ц-ц... — Цинь Чжэн прокомментировал это с умилением: — Умеет же Ваше Величество заботиться о людях! Маленький господин Цзи, давай я помогу, попробуй и ты этого кролика.

Цзи Цинчжоу вздрогнул, посмотрел на Цинь Чжэна и спросил:

— Какого мяса?

— Кролика, — ответил Цинь Чжэн. — Того самого, что Князь сегодня подстрелил.

Цзи Цинчжоу: ...

Ли Чжань: ...

Маленький император, услышав это, уставился на Цинь Чжэна. Через мгновение он перевел взгляд на тарелку с крольчатинной, надул губы и горько зарыдал.

С тех пор как Цзи Цинчжоу попал в этот мир, он ни разу не видел, чтобы маленький император закатывал истерики. Ли Цун, хоть и был изнежен, не имел дурных привычек: у него был добрый нрав, миловидная внешность, и трудно было не проникнуться к нему симпатией. И лишь сегодня, глядя на этого приготовленного кролика, Цзи Цинчжоу наконец увидел другую сторону характера императора.

Малыш был невелик, но кричал так громко, что закладывало уши, и при этом даже не делал пауз, чтобы перевести дыхание. Цзи Цинчжоу замер в тревоге, боясь, как бы ребенок не задохнулся.

— Я пойду добуду тебе еще одного, хочешь? — Цинь Чжэн опустился на одно колено и принялся уговаривать его: — А может, десять? Хочешь, я переловлю всех кроликов в лесу?

Маленький император был слишком поглощен плачем и не обращал на него внимания. Цзи Цинчжоу, не имевший опыта в воспитании детей, лишь растерянно наблюдал со стороны.

Ли Чжань невозмутимо подождал некоторое время, и, решив, что момент настал, коротко бросил:

— Довольно.

Стоило ему замолчать, как плач императора мгновенно прекратился. Малыш обиженно икнул.

Цзи Цинчжоу с недоверием посмотрел на Ли Чжаня, не ожидая от Регента такого мастерства в обращении с детьми.

— Мясо уже съедено, что толку плакать? — заметил Ли Чжань.

— Ик... — маленький император снова икнул, и, хотя больше не плакал, по его щекам продолжали катиться слезы.

Цзи Цинчжоу не выдержал и погладил ребенка по спине. Тот прижался лицом к его плечу, притихнув, но продолжая всхлипывать — видимо, на душе у него все еще было горько.

Всю дорогу обратно во дворец маленький император оставался мрачным. Впервые в жизни он столкнулся с подобным — едва обрел питомца, как тот не успел согреться в руках, а его уже

съели...

Цзи Цинчжоу чувствовал, что для ребенка это жестокий урок, и боялся, что у него останется детская травма. Вернувшись во дворец, он попросил Ту Даю помочь найти для императора другого кролика. Через пару дней Ту Даю принес весть: он действительно нашел то, что нужно.

— Ты наверняка здесь не был, — сказал Ту Даю, выводя Цзи Цинчжоу через северную калитку дворца. Они прошли вдоль стены, свернули и оказались во внутреннем дворе. — К западу — конюшни, потом как-нибудь свожу тебя посмотреть.

Едва они зашли, как их встретил евнух. Цзи Цинчжоу узнал в нем Сяошаня из Императорской кухни — он был в хороших отношениях с Ту Даю и часто подкармливал их чем-нибудь вкусненьким.

— Большую часть живности для Императорской кухни выращивают в садах за городом, в самой столице места мало, — Сяошань провел их к сараю. — А эти кролики — случайность. Императорская кухня планировала новое блюдо: крольчата на гриле, вот мы и решили попробовать подрастить их здесь, чтобы не везти издалека.

Цзи Цинчжоу приподнял бровь, подумав: если маленький император увидит крольчат на гриле, не упадет ли он в обморок от гнева?

— Это ты их растишь? — спросил Цзи Цинчжоу.

— Нет, я просто люблю кроликов и прихожу поведать, — поспешно ответил Сяошань. — А сегодня знал, что вы с братом Даю придете, вот и пришел заранее, чтобы не заблудились.

Цзи Цинчжоу наклонился к клетке, где сидели белые крольчата, которым не было и месяца, и погладил их. Ту Даю кролики были неинтересны, он спросил Сяошаня:

— А где остальные? Никого не видно.

— Вы забыли? В этом месяце снова выдача лекарства, сегодня их очередь идти, — сказал Сяошань.

Ту Даю понимающе кивнул и вздохнул:

— А ты почему не пошел?

— Моя очередь послезавтра. Кажется, мы в один день: я смотрел документы в Палате евнухов, и там было указано, что сотрудники Императорской кухни и личные слуги императора идут послезавтра, — Сяошань обернулся к Цзи Цинчжоу: — В разведении кроликов я мастер, если что будет непонятно — спрашивай.

Цзи Цинчжоу кивнул и выбрал себе одного маленького кролика. Перед уходом он заколебался и посоветовал Сяошаню сказать на кухне, чтобы те пересмотрели идею с крольчатами на гриле — чтобы не расстраивать маленького императора.

Когда они вышли, Цзи Цинчжоу спросил:

— Что это за лекарство, о котором он говорил?

— То самое, что ты пил до прихода во дворец, — ответил Ту Даю. — Одной порции хватает на полгода, но на всякий случай мы пьем его раз в четыре месяца. Трижды в год: в январе, мае и сентябре.

Он вздохнул, явно привыкнув к этой процедуре.

Цзи Цинчжоу вспомнил тот отвар и невольно поморщился. С тех пор как он его выпил, кое-какие мужские реакции в его организме пропали вовсе. Хотя пока что ему это не требовалось, но, как мужчине, ему было не по себе.

— Нам всем нужно его пить? Даже учителю? — уточнил Цзи Цинчжоу.

— Знаю, о чем ты думаешь, — Ту Даю посмотрел на него. — Если бы выдачей лекарств распоряжалась Палата евнухов, мы бы легко могли подстроить всё так, чтобы не пить эту гадость. Но этим занимается Министерство чинов, они специально назначили своих людей, чтобы никто не мог вмешаться.

Цзи Цинчжоу понял: раз лекарство призвано контролировать тела евнухов, значит, прием обязан быть принудительным, иначе весь смысл затеи теряется.

— Цинчжоу... ты никогда не думал о том, чтобы уйти из дворца? — внезапно спросил Ту Даю.

— А разве ты не хочешь? — Цзи Цинчжоу крепче прижал к себе кролика и горько усмехнулся. — Если бы можно было нормально жить мужчиной на воле, кто бы пошел в услужение во дворец?

Ту Даю посмотрел на него:

— Ты... в последнее время довольно близок с Князем.

— Я личный слуга Его Величества, мне от него не спрятаться. — В словах Ту Даю Цзи Цинчжоу уловил некий скрытый смысл, но не успел додумать мысль. — Ты хочешь мне что-то сказать?

Ту Даю долго смотрел на него, потом погладил кролика у того на руках и покачал головой:

— Потом поговорим. Сейчас еще не время.

Цзи Цинчжоу не стал настаивать, но взгляд Ту Даю показался ему многозначительным.

Увидев кролика, которого принес Цзи Цинчжоу, маленький император не выказал особой радости.

— Почему он белый? — спросил он.

Цзи Цинчжоу усмехнулся:

— Разве белый — это не красиво? Посмотри, какие у него красные глазки, разве не прелесть?

— Красиво, — ответил император. — Просто... я думал, он будет серым.

Цзи Цинчжоу замер, и в сердце у него кольнуло. Маленький император был еще слишком юн, чтобы правильно выражать печаль, но Цзи Цинчжоу в тот момент ясно ощутил его грусть.

Малыш все еще тосковал по прежнему питомцу.

Даже будучи самым могущественным человеком в Да Юй, он не смог избежать разочарования из-за потери кролика. Радости и печали людей порой бывают схожи, хотя чаще это совсем не так.

— Ничего страшного. Если не нравится, можешь вернуть обратно, — предложил Цзи Цинчжоу.

— Его всё равно собирались...

— Пусть остается, — перебил император. — Он красивый... такой же белый, как ты.

Цзи Цинчжоу: ...

Вдали на галерее Ли Чжань наблюдал за этой сценой, погружившись в свои мысли.

Цинь Чжэн, неся стопку бумаг, подошел к нему и, проследив за его взглядом, издал звук, похожий на цоканье.

— Если уж говорить о том, кто умеет ладить с детьми, так это маленький господин Цзи, — сказал Цинь Чжэн. — Нашему государю тоже нелегко: покойный император ушел рано, Вдовствующая императрица целыми днями молится в затворе, а ты, его дядюшка, вечно с таким лицом, будто вот-вот всех накажешь...

Ли Чжань отвел взгляд и холодно произнес:

— Возвращайся к работе.

— Тяжела моя доля, — вздохнул Цинь Чжэн. — Только вернулся во дворец, а уже должен пахать на тебя... Может, стоит позвать маленького господина Цзи сюда? В павильоне Инхуэй полно слуг, один лишний не помешает.

Ли Чжань нахмурился, но ничего не ответил. После возвращения из загородной резиденции он перенес свой кабинет в павильон Инхуэй, где было полно евнухов. Однако Цзи Цинчжоу остался при императоре, и теперь они виделись гораздо реже, чем раньше.

— Ты что, не доверяешь ему? — спросил Цинь Чжэн.

С тех пор как он вернулся во дворец, он проверил всех евнухов в Инхуэй и выяснил, что все они — люди с чистой биографией, не связанные ни с какими группировками. Он не знал, как именно Ли Чжань их отбирал, но был уверен: в павильоне работают только те, кому Князь доверяет.

— А ты как думаешь? — Ли Чжань переадресовал вопрос ему.

— Не пойму тебя, — вздохнул Цинь Чжэн. — В любом случае, раз уж я теперь во дворце, если ты не собираешься действовать, то я начну. Как только освоюсь в Министерстве чинов, поищу способ вычеркнуть его из списков рабов и вывезу из дворца...

Ли Чжань бросил на него ледяной взгляд, не удостоив ответом.

— Чего ты так смотришь? — возмутился Цинь Чжэн. — Раньше я любил девушек, но когда красота достигает определенного уровня, гендерные различия стираются. Если быть честным, если это маленький господин Цзи, то я не против, даже если он мужчина... а!

Цинь Чжэн не успел договорить — он споткнулся о ступеньку, и бумаги разлетелись по всему полу. Ли Чжань, не останавливаясь, прошел мимо.

— Подожди... это ты специально подставил мне подножку? — крикнул Цинь Чжэн, собирая документы.

Ли Чжань не обернулся, оставив его позади.

На следующее утро Цзи Цинчжоу и Ту Даю получили уведомление из Палаты евнухов: им велено прибыть в Яньтин за лекарством.

— Я же пил его в прошлом месяце, снова идти? — спросил Цзи Цинчжоу.

— Не знаю, списки составляет Министерство чинов, — ответил евнух, доставивший весть. — Но те, кто пришел в марте, тоже в списке, так что всем велено явиться.

Цзи Цинчжоу кивнул. Видимо, чиновники решили не утруждать себя и просто объединили списки новичков с остальными — так проще вести учет, а цена — лишний прием отравы.

Лекарство было ядом, и Цзи Цинчжоу от всей души не хотел его пить, но выбора не было. Даже Яо Чанъань не смог уклониться, что уж говорить о нем.

— Не бойся, в прошлый раз же всё обошлось, — попытался успокоить его Ту Даю.

Но тут же вспомнил, что в прошлый раз Цзи Цинчжоу едва не погиб...

— Ладно, придем туда, я попрошу управляющего, может, окажет услугу, — добавил Ту Даю.

Цзи Цинчжоу кивнул, хотя внутри у него всё сжалось от тревоги.

Он попал в тело Цзи Цинчжоу уже после того, как тот выпил отвар, и ему казалось, что это был некий критический момент — портал между мирами. В книгах и фильмах люди часто перерождались на пороге смерти... Что, если после этой дозы он снова отправится назад?

Но в том мире он уже мертв, а уйти отсюда — значит снова умереть.

Цзи Цинчжоу шел следом за Ту Даю в Яньтин, погруженный в мрачные мысли. В узком темном переулке уже выстроилась очередь из слуг, работавших при императоре.

— Брат Даю, Цинчжоу! — раздался голос. Это был Сяошань. Он поменялся местами с кем-то в очереди и теперь стоял перед ними. — На кухне сегодня кисло-сладкая рыба, я оставил вам по куску, в обед занесу.

Ту Даю рассмеялся:

— Раньше ты всё под мой вкус подстраивался, а теперь только и знаешь, что Цинчжоу ублажать.

Сяошань смущенно улыбнулся, обнажив два клыка:

— Разве не ты говорил, что Цинчжоу был в тюрьме... кхе-кхе... что он подорвал здоровье и ему нужно восстановиться?

Сяошаню было девятнадцать, но из-за раннего попадания во дворец он не успел вырасти и был чуть ниже Цзи Цинчжоу. Но лицо его было приятным, и Цзи Цинчжоу искренне к нему

тянулся.

Пока они разговаривали, из комнаты вышли те, кто уже выпил лекарство — некоторые из них тихо плакали. Это вызвало насмешки среди стоящих в очереди. Конечно, плакали новички, а смеялись «старые волки», давно привыкшие к боли и превратившие свою черствость в насмешку над слабыми.

— Есть и такие, кто годами служит, а всё никак не смирится, — заметил Ту Даю. — Знают ведь, что тело уже испорчено, что нормальной семьи не будет, а всё равно тешат себя иллюзиями.

Цзи Цинчжоу вздохнул и поднял глаза на тусклое небо. В этом Яньтине даже свет казался украденным, отчего становилось холодно.

— Почему это место называется Яньтин? — спросил он.

— Слышал, как в народе называют «это» дело? — тихо сказал Ту Даю. — Раньше это место называли «Воробьиным двором», но кому-то показалось, что это звучит неблагородно, вот и переименовали в «Двор диких гусей».

Цзи Цинчжоу поморщился. Ему стало тошно. Дать такое название месту, где живут евнухи, — всё равно что вечно тыкать их носом в их увечье.

Цзи Цинчжоу стоял в темном переулке, глядя на входящих и выходящих слуг, и задавался вопросом: неужели так пройдет вся его жизнь? Он станет евнухом до самой смерти? Но другого пути он не видел.

— Я пойду, — Сяошань улыбнулся и шагнул в комнату, где выдавали лекарство.

Поскольку в комнате было всего несколько кроватей, людей пускали группами. Выпив снадобье, слуги отдыхали некоторое время, и если чувствовали себя нормально — выходили, регистрировались и уходили.

Ту Даю еще раз подошел к чиновнику, но тот лишь равнодушно следовал правилам.

— Брось, — сказал Цзи Цинчжоу.

Чему быть, того не миновать.

Они прождали еще немного, но из комнаты никто не выходил. Вскоре внутри послышался шум, и стражников вызвали внутрь. Люди заволновались, пытаясь понять, что происходит.

Цзи Цинчжоу почувствовал, как сердце у него сжалось от дурного предчувствия.

Вскоре стражники вынесли человека. Лицо его было бледным, глаза плотно закрыты — это был Сяошань.

— Что случилось... — Цзи Цинчжоу и Ту Даю бросились вперед.

Стражники не собирались останавливаться, но Цзи Цинчжоу в суматохе успел схватить безжизненно свисающую руку Сяошаня. Когда его рука коснулась деревянных носилок, он ощутил нечто липкое. Цзи Цинчжоу опустил взгляд и замер в ужасе.

<http://bllate.org/book/21165/2144626>